

В следующие несколько дней Линь Ханьчжи старался по максимуму сдвинуть всю работу в Управлении на позднюю ночь, а днём гулял вместе с Ци Гу и ходил с ним по разным заведениям пробовать вкусную еду.

Ци Гу было очень легко удовлетворить: стоило ему съесть что-нибудь вкусное, как на его красивом, обычно холодноватом лице появлялась лёгкая улыбка. Линь Ханьчжи мог смотреть на неё хоть сотню раз — и всё равно не надоедало.

Так прошло некоторое время, и Ци Гу с Линь Ханьчжи одновременно получили свадебные приглашения от Фан Юаньвана. Фан Хэн вместе со своим секретарём лично приехал вручить их и искренне пригласил на свадьбу всех участников «Тайн потустороннего», спасших его сыну жизнь.

Ци Гу удивился, насколько всё быстро. Он открыл изящное приглашение с золотым тиснением и увидел внутри фотографию Фан Юаньвана с женщиной мягкой внешности, длинными гладкими чёрными волосами и особым очарованием уроженки края рек и озёр. Они тесно прижимались друг к другу и оба счастливо улыбались.

— Наверное, после полосы несчастий наконец пришла удача. Ещё в самолёте домой Юаньван встретил её. Она очень мягкая девушка, он влюбился с первого взгляда и начал за ней ухаживать. Он ей тоже понравился. Оба молодых всем довольны, а мне, как отцу, остаётся только устроить всё как положено, — рассказывал Фан Хэн.

Улыбка пропитала даже старые морщины в уголках его глаз, и казалось, будто он разом помолодел на несколько лет и заметно прибодрился.

Если посчитать, Фан Юаньван встречался со своей будущей женой ещё меньше двух месяцев. Но любовь ведь не держится лишь на том, сколько времени люди знакомы. Иначе откуда брались бы супруги, которые годами жили душа в душу, а потом всё равно не выдерживали нескончаемых бытовых забот и в итоге расставались?

— Поздравляю, поздравляю, — сказал Ци Гу и серьёзно добавил: — В день свадьбы обязательно приеду лично поздравить.

На свадебном банкете единственного сына такого богача, как Фан Хэн, хорошей еды точно будет предостаточно. Да и к чужому счастью прикоснуться — тоже неплохо.

*

Прошло ещё несколько дней, и Линь Ханьчжи становился всё занятее. Каждый день он возвращался, когда было уже восемь-девять вечера, буквально под звёздным небом. Ци Гу всё равно было нечем заняться, поэтому он обычно устраивался на мягком диване в гостиной и ждал его.

Разумеется, ждал, поедая тарелку снеков, которую готовил дворецкий Аноним.

Первым делом, увидев Ци Гу, Линь Ханьчжи мягко валился на спинку дивана рядом с тем местом, где тот устроился, почти невесомо тёрся головой о его шею и низким голосом невнятно жаловался, что устал, что совсем не хочет работать и всё в таком духе.

Ци Гу прекрасно его понимал. В конце концов, когда он сам работал, в каждом месяце тоже набиралось дней тридцать с лишним, когда работать совершенно не хотелось.

К слову, недавно Ци Гу обнаружил ещё одну вещь: сумма, которую ему удавалось спокойно держать при себе, немного увеличилась — с прежних пяти тысяч до двадцати тысяч юаней.

Ци Гу так обрадовался, что подумал: возможно, ещё немного — и он сможет официально записывать на себя и доходы храма Фуай. А потом от радости тут же забыл потратить лишние деньги и однажды утром, когда кормил рыб и ножницами вскрывал новый пакет корма, случайно проткнул себе тыльную сторону ладони.

Ржавчины на ножницах вроде не было, но Линь Ханьчжи, собственными глазами видевший произошедшее, всё равно силой потащил его делать прививку от столбняка.

После оплаты прививки сбережения Ци Гу как раз снова опустились ниже двадцати тысяч.

Тем же вечером Ци Гу, уже давно забывший об этой крошечной ранке, вышел из душа с наполовину высушенными волосами и услышал стук в дверь.

За дверью стоял Линь Ханьчжи с подносом. Он опустил взгляд, увидел на тыльной стороне ладони Ци Гу промокшую насквозь марлю, которая уже еле держалась, и его лицо заметно помрачнело.

С холодным выражением лица он вошёл, усадил Ци Гу на маленький диван у окна и посмотрел на него с явным осуждением.

— Почему ты перед душем не обмотал руку пищевой плёнкой? Так легко занести инфекцию, — с укором сказал он.

Ци Гу посмотрел на дырочку размером разве что с соевый боб и решил, что Линь Ханьчжи преувеличивает.

— Это всего лишь маленькая ранка. Даже если ничего не делать, сама заживёт, — рассудительно сказал он.

Ему казалось, что Линь Ханьчжи как раз из тех, кто легко жалуется на боль. Во всяком случае,

рядом с Ци Гу он всегда именно так и делал. Поэтому-то, наверное, и принимает крошечную ранку так близко к сердцу, что даже вечером приходит менять ему повязку с лекарствами в руках.

— Но мне больно, когда я на неё смотрю. Дай хотя бы обработаю, хорошо? — Линь Ханьчжи всё смотрел и смотрел на ранку, будто хотел разглядеть в ней цветок.

Перед тем, как Линь Ханьчжи начинал жалобно ласкаться, Ци Гу не умел устоять никогда. Он продержался меньше трёх секунд и протянул ему руку.

Ватная палочка, смоченная йодоформом, мягко коснулась ранки. Не больно, только немного щекотно. Ци Гу смотрел на Линь Ханьчжи, который, опустив глаза, сосредоточенно обрабатывал ему руку, и не удержался: поднял вторую, здоровую ладонь и погладил совсем близко оказавшиеся мягкие волосы.

— Больно? — кончики пальцев Линь Ханьчжи едва заметно дрогнули. — Если больно, можешь схватить меня за волосы.

Когда раньше ранился он сам и на спине зияли большие, залитые кровью раны, а нормальных медицинских условий рядом не было, он просто отвинчивал крышку бутылки со спиртом и лил его прямо на спину.

Тогда болели раны.

А когда он видел раненого Ци Гу, болело сердце.

Волосы у Линь Ханьчжи были очень приятными на ощупь, к ним легко было пристраститься. Ци Гу вначале протянул свою преступную руку просто из любопытства и, разумеется, дёргать за волосы не собирался. Он лишь несколько раз погладил их, а увидев, что Линь Ханьчжи никак не выражает неудобства, продолжил.

Почему волосы Линь Ханьчжи даже приятнее гладить, чем кошачьего призрака?

Линь Ханьчжи... Линь Ханьчжи очень нравилось, что Ци Гу гладит его по голове, словно котёнка. Поэтому он намеренно растянул обработку раны подольше. Лишь после того как несколько раз промазал йодоформом всю ранку, он с нечистой совестью осторожно прикрыл её марлей и закрепил медицинским пластырем.

Никто из них вслух не отметил, насколько чрезмерно двусмысленной была эта сцена.

Однако с того дня Линь Ханьчжи снова подстроил рабочий график и каждый вечер старался вернуться до того, как Ци Гу пойдёт умыться. Он лично менял ему повязку и заодно соблазнял мягкими волосами, чтобы Ци Гу снова погладил его по голове.

И совершенно не видел в своём поведении ничего неправильного. Разве желание, чтобы Ци Гу погладил его по голове, не было самым естественным на свете?

Каждый Линь Ханьчжи в мире поступил бы именно так!

К радости и одновременно сожалению Линь Ханьчжи, организм Ци Гу был совершенно здоровым, и прекрасные дни, когда можно было под предлогом обработки раны получать поглаживания по голове, быстро закончились: ранка зажила.

Ещё печальнее было то, что Ци Гу тоже заметил: после нескольких дней короткой передышки Линь Ханьчжи снова завалило работой. Ци Гу решил, что если продолжит жить здесь, то будет мешать ему работать, и сам предложил вернуться в храм Фуай.

План с признанием тоже пришлось немного отложить.

Потому что за эти дни Линь Ханьчжи по-прежнему оставался в состоянии «что Ци Гу дал — то он и ест, куда Ци Гу предложил пойти — туда он и идёт». Ни одного конкретного увлечения заметить не удавалось. Ци Гу даже начал подозревать, что если протянуть Линь Ханьчжи гнилое яблоко, тот и его невозмутимо съест.

Если уж говорить о чём-то одном, то только когда Ци Гу гладил его по голове, Линь Ханьчжи выглядел как огромный кот, которого погладили по шерсти.

После отъезда Ци Гу из столицы ненависть Линь Ханьчжи к работе достигла пика. В тот момент ему отчаянно хотелось уволиться, окончательно лечь на дно и свалить должность начальника Управления на любого подвернувшегося человека, а самому жить в своё удовольствие.

Но проклятье заключалось в том, что, согласно тайному письму Ван Ши, если он уйдёт, следующим начальником Управления станет Ци Гу. Из них двоих кому-то всё равно придётся пахать в Управлении по делам аномальных событий как рабочая скотина.

Вспомнив, что Ци Гу ещё больший любитель ничего не делать, начальник Линь был вынужден и дальше добросовестно тянуть эту ляжку.

Внимание! Этот перевод, возможно, ещё не готов.

Его статус: идёт перевод

<http://bllate.org/book/19046/1949159>